

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ЗАМОК ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ВЕДЬМЫ

Надежда Соколова

Замок провинциальной ведьмы

<https://litres.ru/74484628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - потомственная ведьма, попаданка с Земли, появившаяся в этом мире несколько лет назад. Мне тридцать восемь, и кроме домовушки, в своем замке я ни с кем не общаюсь. Замкнутая нелюдимая дикарка - так обо мне отзывается родня. Пусть их. Мне главное - тишина и покой. И отсутствие женихов, да. Мужчина, я кому сказала?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Надежда Соколова

Замок провинциальной ведьмы

Глава 1

Я выглянула из окна – на улице лил противный осенний дождь. Мелкие капли, казалось, не падали с неба, а висели в воздухе плотной серой завесой, превращая дорогу в одну сплошную блестящую лужу. Настроение мое было под стать этому дождю – серое, вязкое, с редкими всплесками тоски. Замок «радовал» сыростью и холодом: каменные стены, казалось, впитали влагу столетий, и теперь от них тянуло могильным холодом, а в углах комнаты висел запах плесени и старой пыли, который не могли перебить даже пучки сушёных трав, развешанные под потолком. Приходилось кутаться в теплую кофту, чтобы не простыть, – шерстяную, колючую, но единственную, что ещё держала тепло. Моя домовушка, Эсти, постоянно ворчала, что я попусту расходую с таким трудом полученные дрова – каждая охапка, принесённая из лесу, отзывалась ломотой в спине и мозолями на ладонях. Ну да, ей хорошо говорить. Она не чувствует ни тепла, ни холода. Да и чувство голода у нее практически атрофиро-

лось за ненадобностью. Я же – человек из плоти и крови и нуждаюсь в нормальных условиях! Мне хотелось уюта, горячей еды и хотя бы капли уверенности в завтрашнем дне, а не этого бесконечного серого тумана за окном.

Я чихнула – звонко, с надрывом, словно подтверждая собственные мысли, потянулась, чувствуя, как ноют застывшие плечи, и позвала.

- Эсти! Чая хочу! Горячего! С лимоном! – голос мой прозвучал чуть капризно, но мне было всё равно. Иногда позволить себе маленькую слабость – единственное лекарство от осенней хандры.

- Кипятка на тебя не напасешься, – послышалось ворчливое, будто из-под самого потолка, где клубился полумрак. И из воздуха сама собой появилась столь желанная чашка с чаем, стоявшая на блюде, – фарфоровая, с трещинкой на боку, но всё ещё красивая, с выцветшим золотым ободком. От неё поднимался лёгкий пар, пахнувший мятой и чем-то ещё, неуловимо-домашним. – А лимон, между прочим, я последний порезала. Вот где твои клиенты, Настька?! – Эсти возникла рядом, маленькая, взлохмаченная, с недовольно поджатыми губами, и принялась вытирать несуществующую пыль с подоконника.

Где, где... Сказала бы я. В рифму. Но это вышло бы грубо. Так что я просто пожала плечами, принимая в руки блюдо – тёплое, почти горячее, и это тепло показалось мне сейчас дороже золота.

- Ну не по дождю же им идти сюда. Здесь, в провинции, народ небогатый живет, порталов для перемещения не имеет. Вот закончится дождь, придут за старыми заказами, может, и новые подкинут, – я старалась говорить уверенно, но сама слышала, как жалко это звучит. Провинция засыпала с первыми холодами, и работы становилось всё меньше.

- Подкинут они, как же, – мою домовушку было непросто успокоить. Она всплеснула крошечными ручками и заметалась по комнате, отчего пламя в очаге тревожно заметалось. – Кто там подкинет? Старый орк с ревматизмом? Или оборотница-сплетница, которая сюда как на работу за сплетнями приходит? – Эсти фыркнула, и от этого звука задрожала паутина в углу.

- А тебе не все равно? – хмыкнула я, с удовольствием делая глоток горячего чая. Тепло весело потекло по пищеводу, растекаясь по замёрзшему телу, и я на мгновение прикрыла глаза, представляя, что где-то там, за пеленой дождя, есть место, где светит солнце. – Они ж платят, кто хлебом, кто солью, кто медяшками. Хлеб, правда, черствый, соль – сероватая, а медяшки такие истертые, что и не разобрать, что на них нацарапано.

- Ты еще вспомни дискарий, ту дурацкую приправу, которую бабка Астанья вместо лаврушки притащила. Никак не закончится, гадость такая. А я ее разве что в чай тебе не кладу, – Эсти передёрнулась всем своим существом и спряталась за занавеску, будто сама мысль об этой приправе была

невыносива.

Я только хмыкнула.

Астанья, гномка, была дамой бережливой, рачительной, понапрасну ни деньгами, ни имуществом сорить не любила – каждый медяк у неё был на счету, каждая вещь знала своё место. Да вот беда, внуков у нее было много, все они жили с ней, и болели часто, то одна, то другой. Кашель, насморк, жар – то одно, то другое, и так по кругу, особенно осенью. Потому и ходила ко мне Астанья частенько – то отвар от кашля попросит, то амулет от сглаза, то просто советом разживётся, – да расплачивалась чем не жалко. А приправу ту, дискарий, ей в свое время старший сын из заграничной поездки привез – остро пахнущую, тёмно-бордовую, похожую на порошок из сушёных жуков. Сразу и много – целый мешок, который никак не заканчивался. Вот и платила гномка приправой везде, где только могла. Уже года три, если не меньше, платила, а мешок всё не пустел, будто заколдованный.

Глава 2

Нашу с Эсти болтовню прервал звонок. Лежавший на столе дортан, аналог земного мобильного, трезвонил так, что закладывало в ушах, – вибрировал, подпрыгивал на месте, грозясь свалиться на пол и расколоться на мелкие кусочки. Явно кто-то из родни звонил. Или с Земли, или отсюда. Что, в общем-то, все равно. Я и тех, и других терпеть не могла, и каждая трель этого проклятого булыжника отзывалась во мне глухим раздражением, будто кто-то скрёб ногтем по стеклу.

Мои родичи, дружно, хором, в глаза и за спиной, звали меня желчным мизантропом. И произносили это с такой гордостью, будто вручали мне медаль за заслуги перед семейством. Я и не спорила: а смысл? Мне было хорошо одной, в тишине, в покое, когда никто не лезет с советами, не хлопает дверями, не выясняет отношения и не заставляет есть пирог с капустой, потому что «ты такая худая, Настенька, одни кости». Я терпела ворчание Эсти, потому что она обеспечивала мне уют: тёплую постель, горячий чай и ощущение, что в этом холодном замке я не совсем одна. Терпела клиентов, потому что они приносили мне деньги и еду, а иногда и то, и другое вместе, что было особенно приятно. Терпеть еще и родню? Ну нет, на это я точно не соглашалась. Я и в этот-то мир перебралась с Земли, чтобы держаться как можно дальше от назойливой родни, – через портал, с двумя чемодана-

ми, тремя амулетами и твёрдым намерением никогда больше не слышать фразу: «А вот в наше время». Замок купила в глухомани, зная, что сюда вряд ли кто сунется: дорога – через бурелом, мост – шаткий, а почтовые голуби сюда летать отказываются, потому что боятся местных ворон. Ну, они, родичи то есть, и не приезжали. Зато названивали. Особенно троюродные и четвероюродные кузины, тетки и бабушки, жившие в столице империи, Заргене.

Наша семья была дружной, любвеобильной, активной – до тошноты. Они обнимались при встрече, целовались при прощании, звонили просто так, чтобы узнать, как дела, и искренне не понимали, почему я не делаю того же. И только я, как белая ворона, предпочитала одиночество, отсутствие родственников и покой, – и в этом покое мне было уютнее, чем в любых объятиях.

И вот теперь я, не скрывая своих чувств, взяла дортан, круглый предмет, похожий на булыжник, – тёмно-серый, шершавый, с одной-единственной кнопкой, – потрянула его один раз, включая. И прямо передо мной появилось веселое лицо кузины Ариссы, сияющее, как начищенный самовар. Полугномка-полуоборотница, сильная ведьма, она давно была замужем, воспитывала троих детей и мужа – да, именно в таком порядке, – и все мечтала поскорей выдать меня замуж. Видимо, чтоб не одной радоваться жизни по ночам. Или чтобы я перестала быть живым укором её семейному счастью.

- Опять кислая физиономия, – констатировала Арисса

непреложный факт, оглядывая меня с ног до головы с видом лекаря, осматривающего безнадёжного больного. – Чем ты снова недовольна, Настюша?

- И тебе не хворать, – буркнула я, передернув плечами, будто от холода, хотя на самом деле от раздражения. – Я же просила не называть меня так. Что опять случилось?

- Вообще-то, день уже. Скоро вечер, – любезно просветила меня Арисса, и в её голосе прозвучала такая забота, что мне захотелось зарыться в одеяло с головой. – Но я понимаю, у некоторых когда встал, тогда и утро.

- Не завидуй, – буркнула я, хотя в глубине души знала, что она права: я встала час назад, и то потому, что Эсти стащила с меня одеяло.

- Даже не думаю. У тетушки Дасиры послезавтра день рождения. Тебя ждать? – Арисса выгнула бровь и посмотрела на меня с той самой надеждой, которая обычно заканчивалась для меня трехчасовой поездкой в душной карете и обязательным поцелуем в щёчку от каждой тётушки.

- Нет.

- Она обидится, – с явным удовольствием сообщила Арисса, будто держала в руках козырь.

- И что? – я пожала плечами, стараясь не думать о том, как тётушка Дасира надувает губы и говорит «ну как же так, Настенька».

- Я смотрю, ты себе не изменяешь. Такая же ласковая и нежная, – фыркнула Арисса, и в её глазах заплясали бесеня-

та. – Может, в гости позовешь? Я бы чайку попила, на твой замок посмотрела. Говорят, у тебя там привидение завелось.

Я ошутимо вздрогнула от перспективы делить свой замок с кем-то еще, кроме Эсти, – даже с любимой кузиной, даже с чаем, даже ненадолго. Моё воображение услужливо нарисовало картину: Арисса ходит по комнатам, трогает мои травы, переставляет банки, спрашивает, почему я до сих пор не замужем, и предлагает познакомить меня с «очень хорошим оборотнем из приличной семьи».

Арисса весело расхохоталась – звонко, заливисто. Вот ко-
за.

Глава 3

Побыстрее свернув разговор, я встряхнула дортан дважды – он обиженно мигнул и погас, – удостоверилась, что связь оборвалась, и зевнула так широко, что хрустнула челюсть.

- Эсти, что у нас с едой? – спросила я, с надеждой глядя в сторону очага, где обычно что-то булькало и пахло.

- Проглот, – проворчала домовушка, возникнув прямо перед моим носом и уперев руки в бока. – Ты б так работала, как ешь.

Вот они, минусы свободы слова. Этой обормотке скажешь слово, она в ответ – двадцать. И ведь не заткнёшь: она чашенько бесплотная, её не шлёпнешь полотенцем, не поставишь в угол, не лишишь сладкого. Только слушай и терпи.

- Я работаю, – ответила я, пожав плечами, будто это могло меня оправдать. – Вчера вон вязанку дров притащила в замок. Целую, между прочим. Еле дотащила.

- По воздуху, – уточнила Эсти с ехидной улыбочкой, от которой у меня зачесались кулаки.

- И что? Не хватало мне ее на горбу эти дрова переть. Мне хватило того, что я их руками собирала – все ладони в занозах, спина отваливается, а колени хрустят, как несмазанная дверь. И вообще, где твоя хваленая магия? – я ткнула пальцем в её сторону, чувствуя, что начинаю заводиться.

- Там же, где и твоя, – отрезала Эсти, и в её голосе про-

звучала такая вековая усталость, будто она повторяла это в сотый раз. – Настька, хорош дурью маяться, разыгрывать из себя отшельницу. Пора в люди выбираться. И прислугу нанимать. Нормальную. Чтобы готовила, убирала, дрова носила – а не то, что ты устроила.

- Какая прислуга? – я не выдержала, перекрестилась, хотя отродясь не была набожной. – Издеваешься, да? Я терпеть не могу существ всех рас! Забыла?! Всех! От гномов до эльфов, от оборотней до людей! Мне проще с медведем в берлоге ужиться, чем с горничной, которая будет ходить по моему замку и трогать мои вещи!

- Тогда и готовить сама будешь, – отрезала Эсти, и в её голосе не было ни капли сочувствия. – Мне надоели твои заскоки. Я тебе не кухарка, не прачка и не нянька. Я домовушка, а не прислуга, которая отвечает за все.

Эсти растворилась в воздухе, показав напоследок шиш – маленький, полупрозрачный, но очень выразительный. Видимо, так нарисовала будущий завтрак. Мой, разумеется. Пустой стол, пустая чашка и шиш вместо еды – вот что меня ждало этим утром.

Сволочи. Нет, ну сволочи же. Все. От домовушки до родни. Вот зачем мне, спрашивается, надо было уезжать из комфортной земной квартиры – с горячей водой, микроволновкой, доставкой еды и соседями, которые не лезут в душу, – если даже здесь, в замке на отшибе цивилизации, моя домовушка требует нанимать прислугу?! Где справедливость? Где

покой? Где, в конце концов, мой чай с лимоном?!

Как ни странно, на еду Эсти расщедрилась. И минут через двадцать я уплетала с большим аппетитом омлет из четырех яиц (последних оставшихся, по словам Эсти, – она произнесла это таким тоном, будто я лично выпила каждое яйцо сырым), бутерброд с сыром – щедро намазанный, с горкой, так что сыр свисал с краёв хлеба, – и пирожок с повидлом, тёплый, мягкий, с золотистой корочкой, от которой шёл пар. Запивала я все это желанным чаем с лимоном, чувствуя, как жизнь потихоньку налаживается. В такие минуты я почти готова была простить Эсти все её ворчания – почти.

- Все, продукты, считай, закончились, – сообщила Эсти, когда я все доела и откинулась на спинку стула с видом человека, только что пережившего небольшое, но очень приятное чудо. – Осталось полмешка пшеничной крупы, пара кило маринованных огурцов и шмат сала. Как ты этим всем будешь питаться остаток осени и зиму, я понятия не имею.

Эх, вот вечно она так. Только поешь, улучшишь настроение, как она начнет комментировать – и снова чувствуешь себя просто отвратно. Как я буду питаться? Да никак! Будет варить мне кашу на сале! На неделю хватит – а потом я возненавижу и пшеничную крупу, и сало, и начну помирать с голоду, медленно, но верно, с чувством глубокого внутреннего протеста! Я уже представила, как сижу у окна, бледная и измождённая, и с тоской вспоминаю омлет из четырёх яиц.

- У нас есть три серебришки и с пригоршню медаков.

Можно сходить в деревню, – жирно так намекнула я, многозначительно глядя на Эсти. Мол, вот тебе и решение всех проблем, и не надо меня пугать кашей.

- Иди, – пожала плечами Эсти с таким видом, будто я предложила ей прогуляться по радуге. – купишь с десяток яиц, мешок муки, пару-тройку кур, принесешь все по воздуху. Что? Что ты смотришь с таким возмущением? Я тебе не слуга, чтобы все это таскать.

Нет, ну бессовестное существо эта домовушка! Она, значит, не слуга! А кто тогда? Я, что ли?! Я в этом замке и хозяйка, и уборщица, и истопница, и дровосек, и психотерапевт для одной бесплотной особы с завышенной самооценкой!

Впрочем, возмущаться смысла не было. Эсти проработала до меня у моей бабушки, матери отца, почти тридцать лет – тридцать лет, и это не считая времени, когда она вообще появилась на свет, а этого не знала даже она сама. Там научилась всему, в том числе ослиному упрямству, которым славилась сама бабушка, которая, надо сказать, могла переспорить даже камень, так что Эсти унаследовала этот талант в полном объеме. Так что теперь ее было не переспорить – можно было только согласиться и сделать вид, что это была твоя идея.

Выход был один. Надо было вставать, одеваться и идти в деревню – искать работу. Ну, там амбар от мышей заговорить – мыши разбегутся и ещё три дня будут заикаться. Порчу

снять – снять так, чтобы клиент не узнал, что порча была на удачу. От лихорадки кого-нибудь вылечить – главное, чтобы клиент не умер от моего лечения раньше, чем от лихорадки. Венец безбрачия убрать – а потом отбиваться от благодарной клиентки, которая захочет выдать за меня своего племянника. В общем, заработать себе на пару обедов, а там, глядишь, и на ужин хватит.

Глава 4

Я со вздохом, который вполне мог бы потушить свечу, поднялась со стула и поплелась к сундуку. Одеваться – это всегда была отдельная пытка, особенно осенью, когда замок пропитался сыростью до самого последнего камня. Натянула на себя шерстяные чулки – колючие, штопанные в трёх местах, – потом тёплые штаны из плотной ткани, которые я носила исключительно в пределах замка, потому что в них я была похожа на мешок с картошкой. Сверху – рубаху, свитер грубой вязки, тот самый, что кололся даже сквозь рубаху, и тёплую кофту, ту самую, в которой я куталась у окна. Плащ – длинный, тёмно-серый, с капюшоном, который я натянула почти до глаз, – довершал образ. Обулась в старые кожаные сапоги, разношенные, с заплаткой на левом носке, но зато не промокающие. На руки – перчатки, на шею – шарф, замотанный так, что дышать стало можно только носом.

Я глянула на себя в мутное зеркало и невесело усмехнулась: отшельница, которая никого не хочет видеть, собирается идти к людям. Ирония, достойная пера какого-нибудь столичного драматурга.

Эсти, разумеется, не упустила случая позвать.

- Красавица, – прокомментировала она, зависнув у меня над плечом. – Прямо загляденье. В деревне все оборотни твои будут.

- Заткнись, – буркнула я, натягивая капюшон пониже и поднимая с пола походную сумку со снадобьями.

Идти в деревню не хотелось. Не хотелось настолько, что я на секунду задумалась: а может, перетерпеть зиму на каше с салом? Может, не так уж и страшно? Но перед глазами услужливо всплыла картина: я, бледная, с ложкой в руке, смотрю на очередную порцию пшеничной крупы и тихо ненавижу весь мир. Нет уж. Лучше люди.

Выйдя на крыльцо, я первым делом выставила перед собой ладонь и создала магический купол – небольшой, ровно надо мной, чуть шире плеч, прозрачный, как мыльный пузырь, только плотнее. Дождь забарабанил по нему, скатываясь по краям мелкими ручейками, и я невольно поёжилась: сырость всё равно пробиралась под плащ, липла к лицу, заползала за шиворот. Но хотя бы капли не били по голове.

Дорога до деревни – а это почти час ходьбы – петляла между мокрыми полями, мимо покосившихся изгородей и редких деревьев, потерявших почти все листья. Грязь чавкала под сапогами, ноги то и дело норовили разъехаться. Настроение моё колебалось где-то между «ну почему я не осталась в земной квартире» и «ладно, хоть дождь не в лицо». Мокрые ветки хлестали по куполу, с них срывались тяжёлые капли и разбивались о невидимую преграду. Я шла, глядя себе под ноги, и мысленно составляла список услуг, которые могла бы предложить: заговорить амбар, снять порчу, вылечить лихорадку, убрать венец безбрачия. Последнее – самое хо-

довое, особенно в деревнях, где незамужних девиц больше, чем свободных парней.

Вот только... Люди. Я поморщилась. Они будут смотреть, спрашивать, лезть с советами, жаловаться на жизнь, предлагать чай с пирогами и непременно спросят, почему я такая худая и когда выйду замуж. Может, всё-таки каша с салом? Нет. Нет-нет-нет. Я вздохнула и прибавила шагу.

Деревня показалась впереди – серые крыши, столбы дыма над трубами, лай собак, который я слышала ещё издалека. Купол я погасила, едва ступив на околицу: не хватало ещё, чтобы местные решили, будто я рисуюсь. Дождь тут же вцепился в меня ледяными пальцами, и я поёжилась, но отступать было поздно.

- Ну, с днём, деревня, – пробормотала я себе под нос. – Посмотрим, кто сегодня захочет снять порчу, вылечить корову или избавиться от венца безбрачия. И, ради всего святого, пусть это будет кто-то неразговорчивый.

Первым, кто меня окликнул, был старый орк Грымз, тот самый, с ревматизмом, о котором вспоминала Эсти. Он сидел на скамейке у своего дома, кутаясь в медвежью шкуру, и его огромные руки, способные, наверное, голыми руками согнуть подкову, сейчас беспомощно лежали на коленях, скрюченные и распухшие.

- Настья, - прошамкал он, приподнимаясь, и я поморщилась от этого сокращения. Ну неужели так трудно выговорить «Настасья»? – Хворь моя совсем замучила. Суставы

крутит, спасу нет. Может, травок дашь? Или заговоришь?

Я смирила его угрюмым взглядом. Зыркнула, как выразилась бы Эсти, по сторонам: не подслушивает ли кто. Орк, орк. Вечно они ноют. Хотя... ревматизм у него настоящий, это видно. Пальцы скрючены, на лице испарина, дышит тяжело.

- Денег сколько? – спросила я, не здороваясь.

- Две серебрушки, - он виновато развёл руками. – Больше нету. Урожай плохой, сам знаешь.

Знаю. Все знают. Я вздохнула, достала из сумки пучок сушёной крапивы и корень лопуха, протянула.

- Заваривать утром и вечером. Настоять, пока не остынет. И не сиди на холоде, старый, - буркнула я, забирая монеты. – Ещё раз увижу тут на ветру – вообще ничего не дам.

- Спасибо, Настья, - орк расплылся в улыбке, показав жёлтые клыки. – Дай тебе боги здоровья.

- Ага, - отрезала я и пошла дальше, чувствуя, как монеты приятно тяжелят карман. Две серебрушки. Уже что-то. Но этого мало. Нужно ещё.

Следующей была ведьма-оборотница Мирта, та самая сплетница, которая ходила ко мне как на работу. Её дом стоял чуть в стороне, окружённый высохшими травами и развешанными по забору черепами мелких зверушек – для устрашения, не иначе. Сама Мирта, рыжая, с хитрыми глазами и вечной улыбочкой, выскочила мне навстречу, едва я приблизилась.

- Настасья! – пропела она, и я поморщилась: ну вот, опять.
– Как хорошо, что ты зашла! У меня беда!

- Какая? – я скрестила руки на груди и приготовилась слушать очередную ерунду.

- Кот пропал, - прошептала Мирта с таким ужасом, будто у неё как минимум сгорел дом. – Чёрный. Мой фамильяр. Вчера вечером вышел – и не вернулся. Настасья, найди его, а? Я заплачу. Три серебрушки. Ну, две.

Я уставилась на неё. Кот. Она хочет, чтобы я искала кота. Великая ведьма, аналог земного детектива, тратит своё время на поиски чёрного кота.

- Он не кот, - обиделась Мирта, будто прочитав мои мысли. – Он фамильяр. Мы с ним связаны. Я без него как без рук. Ну, почти.

Я тяжело вздохнула. Две серебрушки. Ещё две. Найду кота – куплю яиц. И, может, даже курицу. Одну. Небольшую.

- Где видели в последний раз? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно.

- У амбара старого Труна, - затараторила Мирта, и её глаза заблестели. – Он туда часто ходит, мышей ловит. Ну, и... - она замялась, - Трун говорит, что видел, как он в лес побежал. А в лесу, сама знаешь, что водится.

Знаю. В лесу водится всё, что угодно. И искать там кота – это как искать иголку в стоге сена. Но две серебрушки...

- Ладно, - отрезала я. – Найду – принесу. Но если он уже того, не обижайся.

Мирта побледнела, но кивнула. Я развернулась и пошла к амбару Труна – старого гнома, который вечно жаловался на мышей. Тот, завидев меня, сразу замахал руками.

- Настасья! Заговори амбар, а? Мыши совсем одолели! Всё зерно пожрали, сволочи!

- Сколько? – спросила я, уже привычно.

- Мешок муки дам, - Трун почесал бороду. – И огурцов банку. Маринованных.

Я кивнула. Мешок муки – это уже серьёзно. Я прошлась вокруг амбара, шепча слова, чертя в воздухе пальцами невидимые знаки. Мыши внутри заматались, запищали, и через минуту выскочили наружу – серые, толстые, они неслись прочь, не разбирая дороги. Трун восхищённо присвистнул.

- Вот это да! – воскликнул он. – Настасья, ты чудо!

- Муку, - напомнила я, и он засуетился, убегая в дом.

Пока Трун возился с мешком, я стояла, привалившись к стене амбара, и смотрела на деревню. Убогие домишки, покосившиеся заборы, грязь по колено. Люди, орки, гномы, пара эльфов – все они жили здесь, все они знали меня. Побавались. Уважали. Ненавидели, наверное, тоже – за угрюмый вид, за то, что не улыбаюсь, не болтаю, не пью с ними чай. Мне было всё равно. Я делала свою работу, брала плату и уходила. В замок. К Эсти. К тишине.

А сейчас надо было искать кота. Чёрного. Фамильяра. В лесу.

Я вздохнула и поплелась к лесу, чувствуя, как сапоги сно-

ва набирают грязь. Ну, хоть не дождь. Хоть что-то.

Глава 5

Муку и огурцы я отправила порталом в замок – открыла маленькую дырочку в пространстве, размером с тарелку, и сунула туда мешок с банкой. Дырочка довольно хрюкнула и закрылась, а я мысленно представила, как Эсти сейчас принимает гостинцы и, наверное, ворчит, что я опять трачу магию на ерунду. Ну и пусть ворчит. Мне не впервой.

Лес встретил меня сыростью и запахом прелой листвы. Мокрые стволы блестели, как покрытые лаком, а с ветвей то и дело срывались тяжёлые капли – я снова подняла купол, чтобы не превратиться в мокрую курицу. Купол, правда, цеплялся за низкие ветки и норовил лопнуть, так что приходилось то и дело пригибаться. Настроение моё портилось с каждым шагом.

Кот. Чёрный. Фамильяр. Вот зачем я согласилась? Две серебрушки – это, конечно, хорошо, но лазать по бурелому в поисках чужого кота... Я одёрнула себя: не чужого. Кота, который, может, уже сожрал кто-то из местных хищников. И тогда Мирта останется без фамильяра, а я – без двух серебрушек.

- Кис-кис, - позвала я вяло, не особо надеясь на успех. – Чёрный, пушистый, иди сюда. У меня для тебя... ничего нет. Но искать тебя – это, между прочим, моё время.

Лес молчал. Только дождь стучал по куполу, да где-то

вдалеке каркнула ворона. Я прошла ещё немного, раздвигая мокрые кусты, заглядывая под поваленные стволы. Пару раз мне показалось, что я вижу чёрный хвост, но это оказывались то обгоревшее полено, то просто тень. В какой-то момент я поскользнулась на мокром мху и чуть не упала, успев схватиться за ветку. Ветка оказалась трухлявой и обломилась, и я всё-таки шлёпнулась в грязь, больно ударившись коленом.

- Отлично, - пробормотала я, поднимаясь и отряхиваясь.
– Просто отлично. Настасья, великая ведьма, спасительница котов, валяется в грязи в лесу. Об этом надо будет рассказать Эсти. Вот она посмеётся.

Я пошла дальше, хромая и злясь на весь свет. И тут, у старого дуба, чьи корни вылезли из земли, как щупальца, я услышала тихое, жалобное мяуканье. Кот сидел на нижней ветке – чёрный, как сама ночь, с белым пятном на груди, весь мокрый и дрожащий. Он смотрел на меня огромными жёлтыми глазами и явно не собирался спускаться.

- Ну наконец-то, - выдохнула я, подходя ближе. – Ты почему ушёл от Мирты? Она там с ума сходит. И я из-за тебя, между прочим, чуть ногу не сломала.

Кот мяукнул ещё раз, и в этом мяуканье отчётливо прозвучало: «А мне плевать».

- Ладно, - я вздохнула. – Давай сюда.

Я протянула руки, но кот не двинулся. Сидел и смотрел, как будто ждал чего-то. Я нахмурилась.

- Ты меня боишься? Правильно делаешь. Но я тебя не обижу. Мне за тебя заплатят.

Кот прищурился. И вдруг прыгнул – прямо мне на руки, мокрый, но тёплый под мокрой шерстью. Я прижала его к себе, чувствуя, как он дрожит.

- Вот и умница, - пробормотала я, разворачиваясь в сторону деревни. – Пошли домой. Точнее, к Мирте. Я домой пойду. Без тебя.

Кот фыркнул мне в шею, и я невольно улыбнулась. Первый раз за день. Может, и правда всё не так плохо.

Дорога назад показалась короче – наверное, потому что я уже знала, куда идти, и не приходилось продираться через кусты. Кот сидел у меня на руках, тёплый и мокрый, и иногда мяукал – не то жаловался, не то рассказывал, где был. Я не слушала. Я думала о том, что после этого мне надо будет зайти ещё к паре клиентов, и о том, что дома ждёт Эсти с мешком муки и банкой огурцов. И, может быть, если повезёт, к вечеру у меня будет горячий ужин.

Кот, которого я несла Мирте, оказался на удивление тяжёлым – мокрым, недовольным и с явным намерением поцарапать мне руку при первой возможности. Я донесла его до дома оборотницы, сгрузила на крыльцо и получила свои две серебрушки. Мирта всплеснула руками, запричитала, схватила кота и принялась его целовать, а я, не дожидаясь благодарностей, развернулась и пошла дальше.

Дальше был дом вдовы Оливы – пожилой женщины с уста-

лым лицом и вечно поджатыми губами. У неё была дочь, незамужняя, двадцати восемью лет, и это, по мнению всей деревни, было трагедией. Венец безбрачия – так это называлось. Олива ждала меня у калитки, теребя платок.

- Настасья, - заговорила она, не здороваясь. – Дочка моя, Лира. Всё никак не выйдет замуж. Уже и сватались, и гадали, и к гадалке ездили в Зарген. Всё без толку. Говорят, венец на ней.

Я кивнула. Знала я эти венцы. Чаще всего никакого венца и не было, просто девка была с характером или лицом не вышла, но людям проще верить в порчу, чем в собственную неудачливость.

- Плата? – спросила я, глядя не на Оливу, а куда-то в сторону, на мокрый забор, на грязную лужу у калитки, на всё, что угодно, только не на её лицо.

- Курица, - вдова замялась. – Живая. И... рыжий котёнок. От кошки нашей. Куда мне его девать-то? Топить не могу, рука не поднимается. А ты ведьма, тебе положено.

Я медленно перевела взгляд на неё. Потом на курицу – тощую, серую, которая сидела в корзине и смотрела на меня с тупым равнодушием. Потом на котёнка – маленького, рыжего, с белыми лапками, который спал в коробке, свернувшись клубочком.

Кодекс ведьмы. Я вспомнила его всеми фибрами души. Не отказываться от живности, которую тебе предлагают в уплату. Не потому, что ведьмы такие добрые. А потому, что жив-

ность – это жизнь, а жизнь – это энергия. И отказываться от неё – плохая примета. Ну, так мне объясняла бабушка. А бабушка плохого не посоветует.

- Ладно, - буркнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от осознания того, что теперь у меня дома будет ещё и котёнок. – Курицу в мешок. Котёнка... в руки давай.

Олива засуетилась, запихивая курицу в мешок – та возмущённо закудаhtала, но быстро смирилась. Потом она взяла котёнка, ещё сонного, тёплого, и протянула мне. Я приняла его – он пискнул, попытался открыть глаза, не смог и уткнулся носом в мою ладонь.

- Венец снимать буду, - сказала я, отводя взгляд. – Но не на пороге. Пусти в дом.

В доме было тепло, пахло хлебом и травами. Дочь Оливы, Лира, сидела у окна и что-то шила. Увидев меня, она вздрогнула – я знала, что меня здесь побаиваются, – но ничего не сказала. Я подошла к ней, положила руку на голову, почувствовала под пальцами тонкие волосы, дрожь, страх. Закрyla глаза. Прошептала слова, старые, как мир, и такие же бесполезные, как и все остальное. Но людям нужно верить. А мне нужно есть.

Когда я закончила, Лира сидела бледная, но улыбалась. Олива сунула мне в руки мешок с курицей – та дёрнулась, закудаhtала, но я прижала мешок к себе и вышла. Котёнок спал у меня за пазухой, тёплый и живой.

И вот я иду домой. Грязная, уставшая, с мешком, из ко-

того доносится недовольное кудактанье, и с рыжим котёнком, который теперь мой. Мой. Вот зачем мне котёнок? У меня уже есть Эсти, которая ворчит, замок, который разваливается, и клиенты, которые меня раздражают. Теперь ещё и кот. И курица.

Я вздохнула. Котёнок пискнул во сне. Мешок с курицей качнулся. Лес шумел, дождь моросил, а я шла, грязная ведьма, снимающая венцы безбрачия за тушку курицы и рыжего котёнка. И, кажется, это была самая удачная сделка за сегодня. Курица – это еда. Котёнок – это... Ну, посмотрим. Может, мыши. Может, тепло. Может, ещё одна причина, по которой я буду ворчать.

Дорога до замка показалась бесконечной. Сапоги налились грязью, колено ныло, а котёнок проснулся и начал вырываться. Я прижимала его к себе, шепча ругательства, и мечтала только об одном: дойти, снять сапоги, упасть на кровать и чтобы Эсти принесла чай. Горячий. С лимоном. И пусть ворчит. Я готова даже слушать её ворчание. Только бы дойти.

Глава 6

Мешок в моей руке дёрнулся ещё раз, и я машинально отметила, что кудахтанье какое-то... неправильное. Слишком тихое. Слишком редкое. Я остановилась посреди дороги, поставила мешок на землю – прямо в грязь, плевать, – и развязала верёвку.

Внутри лежала курица. Живая. Тощая, серая, с облезлым хвостом и одним глазом, смотревшим на меня с тупым равнодушием. Она сидела на дне мешка, поджав лапы, и даже не пыталась выбраться. Я выдохнула – сама не поняла, с облегчением или с разочарованием.

- Ну хоть не ошипанная, – пробормотала я, завязывая мешок обратно. – Уже прогресс.

Котёнок за пазухой заворочался, высунул рыжую мордочку, зевнул, показав крошечные клыки, и снова спрятался. Хоть кто-то доволен.

- Олива, – пробормотала я себе под нос, взваливая мешок на плечо, – ты хоть понимаешь, что я теперь с ней делать буду? Я, между прочим, на яйца рассчитывала. Думала, будет по двору ходить, клевать что-нибудь, нестись. А она... она даже не кудахчет толком. Спасибо, Олива. Спасибо большое.

Курица в мешке дёрнулась, будто обиделась, и снова затихла. Я вздохнула и прибавила шаг. Грязь чавкала под сапогами, дождь моросил, котёнок сопел, а я шла и думала о

том, что сегодня, кажется, удача решила отвернуться от меня окончательно. Две серебрушки, мешок муки, банка огурцов, тощая курица и котёнок. Не густо. Но хотя бы не каша с салом. Уже что-то.

Замок показался впереди – тёмный, мокрый, с единственным светящимся окном на втором этаже. Эсти, наверное, уже зажгла свечу. Ждёт. Ворчать будет. Сейчас, увидев меня – грязную, с мешком, из которого торчит куриная голова, и с котёнком за пазухой, – она точно начнёт. Но мне было всё равно. Я хотела только одного: снять сапоги, сбросить мокрый плащ и упасть. Пусть ворчит. Пусть говорит что хочет. Я слишком устала, чтобы спорить.

До замка оставалось минут пять ходьбы – я уже видела тёмные зубцы башен сквозь пелену дождя, – когда из-за поворота дороги вылетел всадник. Конь под ним был вороной, огромный, с лоснящейся от дождя шкурой, а сам всадник... сам всадник был хорош. До неприличия хорош. Молодой, светловолосый, с тонкими чертами лица и надменным прищуром, в дорогом тёмно-синем плаще с серебряной вышивкой, в сапогах, которые стоили больше, чем весь мой замок. Аристократ. Столичный, судя по выправке и по тому, как он смотрел на мир – сверху вниз, даже когда сидел в седле.

Конь едва не сбил меня с ног – я отскочила в сторону, успев схватиться за мокрый куст, – а всадник натянул поводья и уставился на меня. Сверху вниз. Разумеется.

- Ты, – бросил он вместо приветствия. Голос был прият-

ный, низкий, но с той самой ленцой, которая бывает у людей, привыкших, что мир крутится вокруг них. – Мне нужна ведьма. Здесь есть ведьма?

Я молчала. Котёнок за пазухой пискнул, курица в мешке дёрнулась. Всадник перевёл взгляд на мешок, потом на котёнка, потом снова на меня – грязную, мокрую, в заплатах сапогах, с прилипшими к лицу волосами. И улыбнулся.

- Ты? – переспросил он, и в голосе прозвучало такое искреннее, такое обидное недоверие, что у меня зачесались руки. – Ты ведьма?

- А что, не похожа? – буркнула я, хотя знала ответ заранее.

- Не похожа, – он рассмеялся. Красиво, заразительно, откинув голову назад, так что с волос полетели капли. – Ведьмы – это женщины в чёрном, с посохами, с воронами на плечах. А ты... ты похожа на огородное пугало, которое забыли на зиму убрать. Или на мокрую курицу. У тебя даже курица в мешке, – он кивнул на мешок, – и та облезлая.

Я почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло. Спокойно, Настасья. Спокойно. Он просто глупый мальчишка. Глупый, красивый, богатый мальчишка, который никогда в жизни не таскал дрова, не мёрз в нетопленном замке и не получал за работу ошипанную курицу.

- Зачем тебе ведьма? – спросила я ровно.

- Порчу снять, – он пожал плечами, будто это было очевидно. – На мне порча. Я не могу... – он замялся, и на щеках проступил румянец, – не могу жениться. Точнее, могу,

но невеста сбегает за день до свадьбы. Три раза. Так что мне нужна ведьма. Настоящая. А ты, – он снова оглядел меня с ног до головы, – иди своей дорогой. И курицу свою забери, а то испугаешь мне коня.

И вот тут я не выдержала. Может, сказалась усталость. Может, грязь, налипшая на сапоги. Может, курица, которая дёргалась в мешке. Может, котёнок, который выбрал именно этот момент, чтобы высунуться и мяукнуть. А может, всё вместе.

Я подняла руку – резко, так, что всадник вздрогнул, – и прошептала слова. Короткие, злые, те самые, которые бабушка запрещала использовать без нужды. На него. На красавца. На аристократа.

Порча легла быстро – я увидела, как он побледнел, как дёрнулся, как схватился за горло, будто что-то сдавило. Ничего страшного. Не смертельно. Просто теперь у него неделю будет икота. Или заикание. Или, может, бородавка на носу. Я не уточняла – сил не оставалось.

- Ты... – прохрипел он, но я не стала слушать.

Собрала последние крохи магии – всё, что оставалось, до донышка, до последней капли, – и шагнула в портал. Пространство сомкнулось вокруг меня, сжало, протащило сквозь холод и темноту, и выбросило в холл замка.

Я упала на каменный пол, больно ударившись плечом. Курица в мешке возмущённо закудаhtала, котёнок вывалился из-за пазухи и уставился на меня круглыми глазами. Внутри

было пусто. Гулко. Как в выстуженной печи. Магия ушла. Вся. На сутки. Может, дольше.

Эсти возникла передо мной мгновенно – всплеснула руками, запричитала, заметалась.

- Настька! Настька, что с тобой?! Ты вся серая! Ты... ты магию истратила?! Всю?! На кого?!

- На идиота, – прохрипела я, переворачиваясь на спину и глядя в потолок. – На красивого идиота. Который думает, что ведьма должна быть похожа на... неважно.

Я закрыла глаза. Сутки. Целые сутки без магии. Ни порталов, ни заговоров, ни купола от дождя. Только я, замок, Эсти, курица и котёнок. И где-то там, на дороге, красавец-аристократ с порчей, которая, надеюсь, была достаточно неприятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.